

О РОМАНЕ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА «ЛЕОНИД»

Дорогой Александр Андреевич!
Однажды вы сказали, что Советский проект открывали великие книги: "Как закалялась сталь", "Тихий Дон", "Молодая гвардия". Завершали советскую эру тоже романы и повести: "Печальный детектив" Астафьева, "Дети Арбата" Рыбакова, распутинский "Пожар". Да, литература — главный летописец. Не по архивным документам, а по художественным образам мы судили и будем судить о каждой эпохе. Проект "Путин" (хотя Путин для России, как и Россия для него, это не проект, а судьба) был озаменован вашими книгами, путинское преобразование отслеживали ваши романы. В "Господине Гексгогене" недавно избранный президент садится за штурвал самолёта "Россия" и ведёт его по маршруту, на котором ждут и горячие точки, и точки роста, и точки невозврата.

ВРЕМЯ ПРЕЗИДЕНТА

В романах "Политолог", "Виртуоз", "Крейсерова соната", "Теплоход "Иосиф Бродский"", "Русский", "Алюминиевое лицо", "Человек звезды", "Крым", "Востоковед" страна вырывалась из своего бохисанского периода и вступала в период новой империи. Путин Беспанский, Путин Норд-остский становился Путиным Таврическим, Владимиром Дамаскиным. Вы произносили загадочное слово "Аркаим", а в нём слышались "Крым" и "Арктика", — и они в нашей жизни сбывались. Вы сулили России "время золотое" — и оно наступало, прояснялось, как лик Богородицы на фреске, замаскированной в лихолетье. Вы манили в нынешний век чудесную птицу русской истории, что "венчает в победах, вселяет надежду в поражениях", и она садилась на плечо президента. Он кормил её из рук золотым зерном, лелеял её, знал, что эту птицу не удержать в клетке, что она останется только с тем, кто изведаль в жизни настоящую любовь, поверил в чудо.

Неслучайно президент говорил, что его очень любили в детстве. Наверное, ему часто рассказывали сказку о Жар-птице. Он уповал на то, что отыскавший на жизненном пути её радужное перо воплотит извечную русскую мечту о всеобщем благоденствии. По такому перу русская история узнала в президенте избранника. Вольная птица осталась верна ему на десятилетия. За ней он устремил самолёт "Россия".

Но в вашем романе "Леонид" этот самолёт уподобляется загоревшемуся в Шереметьеве суперджету. Народ паникует, топится, ропщет, стенает. Иные, жертва собой, отдают спасительную лужку ближнему. Иные, как в последний день Помпеи, среди огня и дыма пекуются о ветхой суме, расталкивая всех локтями. Русский имперский дворец возводился президентом под вражеским обстрелом: пока обжигали один кирпич, рушилась целая стена. Президенту приходилось держать на своих плечах своды государства, быть замковым камнем. Теперь же русский чертог переполнен противоречиями — между отцом и сыном, женой и мужем, природой и цивилизацией, мечтой и действительностью, прошлым и настоящим. Из малых противоречий может родиться большой взрыв, который разрушит всё до основания.

Отдельных действий, на время утешающих боль, уже недостаточно. Нужно всем миром заполнять зияющие пустоты, гасить злобу и ненависть, крепить веру. Нужно приступать к очищению жизни и души, дел, слов и помыслов. Очищение — это не только совковые полаты труженников или мётлы опричников, но и крохотная кисточка, которой археолог смахивает прах тысячелетий с драгоценной находки, которой реставратор подновляет потускневшее изображение. Подобно античным грекам, что, наблюдая трагедию, переживали катарсис, нам сегодня через сомнения и лишения нужно обрести спасительный путь. "Чистый" значит "ясный", "сияющий". Только такой способен к преображению, что в России "случается вмиг", меняя природу и сущность всего, наполняя смыслом то, что прежде было наполнено отчаянием.

К необходимости такого очищения страны президент подходит Леонидом Леонидовичем Троевдовым: правителем, который пытается удержать от распада не только Россию, но и весь мир, подобно беломраморным петербургским львам, под тяжёлыми лапами которых земная сфера. "Леонид" — "подобный льву". Лев — символ евангелиста Марка, показавшего царскую власть Спасителя над всем мирозданием.

Троевдов на распутье: он видит три финала собственного правления, три властных исхода, три примера: Александр I, Иван Грозный, Николай II. Президент, подобно Благословенному императору, что победил Наполеона, "замыслил побег", чтобы вдали от Кремлёвских палат закончить свои дни новым старцем Фёдором Кузьмичом. Но, как бояре призвали Ивана Грозного вернуться из Александровской слободы на царский трон, так Троевидова уговорили возвратиться в президентский кабинет, чтобы спасти затрепавшее по швам государство. Но Москва приготовила правителю не медные трубы, а Ходынку и Кровавое воскресенье.

Метания Троевидова среди исторических аналогий — это метания птицы русской истории. Ей выбирать, каков будет итог путинского правления! Но если во "Времени золотом" Вы, Александр Андреевич, подавили восстание, всплывшее на Болотной площади, одолели штурм Кремля, если в "Убить колибри", "Цифре", "Подлётном времени" вы уберёгли президента — то в "Леониде" уже готова пролиться кровь, Россия едва не сорвалась в пропасть.

Я понимаю, почему так долго вы держали этот роман в письменном столе. Нам часто не дано предугадать, как отзовутся в реальности наши слова, излившиеся на белый лист. Нам нелегко, чем станут они: заблуждением, пророчеством или сценарием будущего. Теперь опубликованный, роман может призвать новые вихри русского времени, может запретить беду в книге и не выпустить её в жизнь. Держава в романе побеждает, а значит — и в действительности государству быть!

Ваш роман — это буря, настигшая Россию земную из России космической. В оке бури — пернатое крыло: то ли птица русской истории, то ли шестикрытый серафим, что рассекает грудь мечом будущему избраннику и вкладывает в неё пылающий огнём уль русской мечты. Ваш роман — это тоска по Белоязову, где мы увидим живыми своих пращуров, будем с ними ровесниками, где никто никого не обижает, где русская мечта сбывается.

Ваш роман — это гнездо для птицы русской истории. В нём она до срока притасится. Ей уютно. Она не покинет Россию.

А я отправляю вам не рецензию, а письмо. В нём золотое зёрнышко. Оно преумножает силы. Передайте его дивной птице.

Ваш

Михаил КИЛЬДЯШОВ

НОВЫЙ РОМАН Александра Проханова "Леонид" — исключительное явление даже в нынешнем жанровом и стилистическом многообразии российской литературы. Впечатляет дерзновенность замысла. Роман написан на стыке нескольких традиционных жанров: политического триллера с парадоксальными чертами жёсткой пародии; политического памфлета, в котором наряду с реальными действуют герои и персонажи отчасти условные; феерического гротеска, героико-эпического нарратива, философского романа, лирической драмы. Читатель, захваченный стремительным развитием повествования, поначалу испытает некоторое замешательство, будучи не в состоянии с ходу определить эту систему жанровых координат. Чтобы восстановить целостность восприятия, необходимо освободить своё сознание от условностей жанровой дифференциации и увидеть авторский замысел в его свободе и полноте. Контрастное, но органичное сочетание реального и условного; прикосновение к глубинным тайнам современной политической жизни; взгляд на историю России как мистической тайны, подталкивание к производству отдельных личностей, а сложному комплексу объективных причин и случайных совпадений; запоздающее обожание сущности политических процессов — всё это делает роман "Леонид" центральным явлением современной отечественной литературы.

Главные действующие персонажи романа — президент России Леонид Леонидович Троевдов и боевой офицер, подполковник Александр Трофимович Верхотурцев, волею судеб ставший вице-президентом. Роли этих персонажей в координатах повествования несовместимы, но именно во взаимодействии они представляют собой художественное средство для раскрытия драмы и трагедии власти. И если черты Троевидова недвусмысленно говорят о его прообразе, то фигура Верхотурцева является абсолютно вымышленной, плодом авторского воображения. В сущности, роман

нуть, усыпав обломками, как это уже было однажды, пространство от арктических льдов до горячих пустынь.

Леонид Леонидович чувствовал приближение катастрофы, старался её избежать..."

По мере того, как осуществлялись державные замыслы, начинали обостряться внутренние противоречия. Достижения вызвали претензии даже со стороны тех, кто ещё недавно поддерживал президента Троевидова в его начинаниях. Усиление мощи России неизбежно порождает недовольство Запада, и, как следствие, это недовольство mnoжит враждебные действия по отношению к России — государство, позволившему себе сбросить либеральное наваждение и пойти собственным путём. В стране сформировалась новая "элита", которая не желала жертвовать чем бы то ни было во имя такой, в их понимании, эфемерности, как "великая Россия". Предательство проникло не только в среду творческой интеллигенции и новых собственников, оно явно стало царить уже и в ближайшем окружении Троевидова. Долг перед страной и инстинкт самосохранения требовали от него незамедлительных действий. И он "решил внести в Конституцию поправку, утверждающую пост вице-президента. Дублёра, который мог заменить президента, если тот выбывает из строя". На роль дублёра был избран офицер, воевавший в Сирии и чудесным образом уцелевший в ситуации, когда выжить было невозможно. Атакovaný самолёт развалился в воздухе, и подполковник Верхотурцев должен был погибнуть при падении в море. Но он выжил. Правда,

в скрытых беспощадных врагов, столкновение с которыми неизбежно. В то же время народ не прощает ни малейшего промаха, ни единого решения, принятого во имя великой цели, но требующего чем-то поступиться. Приближённые льстят и тут же готовы совершить предательство. Люди, на которых делается ставка, стремительно перерождаются и становятся врагами, порой даже не осознавая этого.

Ярко и образно показаны взаимоотношения президента Троевидова с разными представителями российской элиты, и у каждого из них — собственные цели и задачи, каждый ищет выгоду для себя место в структуре государства. И в центре всех этих разнородных, подчас непримиримо враждебных друг другу интересов — фигура президента, сохраняющего и поддерживающего языкое державное равновесие. В ситуации, когда доверять нельзя никому, Леониду Леонидовичу Троевдову не остаётся ничего другого, кроме как руководствоваться инстинктом самосохранения и устранять на своём пути все препятствия — как реальные, так и возможные. В этом — и его личная драма, и драма его власти.

Особое внимание в романе уделено продажности интеллигенции. Знаменитый театальный режиссёр, осуществляющий лестию и подбостранную постановку, прославляющую президента Троевидова, при изменении ситуации готов моментально внести в сценарий коррективы — в интересах новой власти. Циничные журналисты в угоду конъюнктуре легко меняют свою позицию. Президент не питает иллюзий по поводу "мозга нации", и своё

ПТИЦА РУССКОЙ ИСТОРИИ

«Птица счастья Завтрашнего Дня». Рисунок Василия Проханова

представляет художественную версию реалий политической ситуации современной России. А также рисует ход событий, который мог бы быть, или не исключён в будущем.

Леонид Леонидович Троевдов, находясь на переломном этапе своей президентской деятельности, испытывает неудовлетворённость от того, что все его достижения находятся под угрозой. Система, созданная им, постоянно колеблется, она неустойчива. В то же время непреодолимо внутреннее противоборство Троевидова-человека и Троевидова-правителя. Долг руководителя великого государства требует от него компромиссов и решений, многие из которых наносят "по ту сторону добра и зла", а с позиции простых людей могут представляться бесчеловечными.

"Россия была громадным самолётом, который Леонид Леонидович поднял когда-то в небо. Остановил могучими двигателями, сконструировал рули, вставил приборы, залил топливо в баки. Направил в полёт. Теперь, по прошествии лет, двигатель давал сбои, топливо иссякло, руки перестали слушаться, приборы выходили из строя. Самолёт терял управление. Снизался, готов был рух-

после чудесного спасения с ним происходят странные, непонятные вещи: он стал слышать таинственные голоса, ощущать в себе присутствие других людей, пророчествовать о прошлом и будущем. Именно такой человек — боевой офицер, не испорченный властью — оказался нужен для декоративной, по сути, должности вице-президента. Вокруг этой сюжетной завязки разворачиваются события романа.

Роман "Леонид" — о сущности власти, о её тяжком бремени, подчас непомерном даже для очень сильного человека. Исторически сложилось так, что народ персонаифицирует свою власть в лице её главного представителя и жёстко спрашивает в случаях разочарования. Но за пределами народного понимания, как правило, остаются таинственные, нелогичные в своих проявлениях механизмы, заставляющие принимать жестокие решения, делать выбор в ситуации, когда выбора нет, и брать на себя ответственность, нести которую человек, волею судьбы поставленный у руля государства, не всегда внутренне готов. Соратники и сподвижники, кому правитель привык доверять, вдруг предают

мнение в разговоре с пресс-секретарём Симеоном Викторовичем Пушиновым выражает предельно жёстко:

"...Наша либеральная интеллигенция, Симеон Викторович, это слизь, которая закупоривает лёгкие государства. Когда её слишком много, государство перестаёт дышать и погибает. Государство разрушает интеллигенцию, создавая протестную музыку, плодя насмешки и анекдоты, печатая пасквили на героев и государственных мужей. Эту либеральную слизь нельзя побороть. Она не умирает в ГУЛАГе, как думали коммунисты. Ей нужно противопоставить другую слизь, патриотическую. Пусть две слизь пожирают друг друга..."

Эта сентенция имеет особую ценность, поскольку проясняет очень многое в современной культурной политике России.

Близкий круг друзей-соратников, вместе с которыми Леонид Леонидович Троевдов и создавал структуру государства, также готов совершить предательство ради сохранения и приумножения своих богатств. Об этом написано подробно, с большой художественной силой и убедительностью. Множество персонажей в романе позволяют создать объёмную картину современной российской действительности, что порой шокирует и откровенностью авторских суждений, и узнаваемым фактическим материалом.

Придуманый Леонидом Леонидовичем пост вице-президента должен, по его замыслу, исключить возможность хаоса и борьбы за власть в случае ухода Троевидова со своего поста. Человек честный, мужественный, но лишенный политического опыта, подполковник Александр Трофимович Верхотурцев попадает в сеть интриг, в которой сохранить доверие своего начальника Троевидова практически невозможно. Верхотурцев погибает, и его гибель восстанавливает равновесие в структуре руководства государством. В государстве не может быть двух центров власти. Если подобное происходит, то влечёт за собой ослабление государства, а в перспективе — хаос и распад. Верхотурцев стал сакральной жертвой, подтверждающей эту истину. Леонид Леонидович Троевдов переступает через всё, что угрожает сохранению целостности вверенного ему государства. "Птица русской истории", свившая себе гнездо в его груди и на мгновение, казалось, покинувшая его, возвращается на своё место.

"Он стоял среди кремлёвских зубцов, на него смотрели кремлёвские колокольни и купола, и он чувствовал, как они тянут к нему свои каменные руки и не хотят отпускать. Его не отпускал Успенский собор, где помазывались на царство цари, многие из которых были убиты. Не отпускал Архангельский собор с погребениями великих правителей. Не отпускала чёрная стальная брусчатка, по которой проходили полки и сразу попадали на фронт. Его не отпускал Сталинград с фонтаном, где пионеры удерживали своим танцующим хоромовое страшное чудовище. Его удерживали великие поля сражений, угрюмые горы, могучие полноводные реки. Они держали его, не пускали, принуждали остаться и править этой таинственной, жестокой и прекрасной страной, которая погибала и требовала от него, чтобы он удерживал эти расползающиеся пространства, эти свернутые в смуту народы. Сберёг государство. И он знал, что ему не уйти, не укрыться, и его державный удел — удерживать, держать в руках эти континенты и океаны, слыша, как хрустят его кости и из глаз хлещет кровь..."

Леонид Леонидович Троевдов — фигура, при всех узнаваемых деталях и обстоятельствах, во многом условная. Равно как и встречающиеся в романе реальные события нашей действительности переплетаются с вымыслом. Роман заставляет задуматься о многом. Государственную власть нельзя судить по житейским законам человеческого общества. Задачи, которые встают перед властью для осуществления её миссии, нередко идут вразрез с индивидуальной моралью человека и абстрактным гуманизмом. Александр Проханов в своём романе осуществил дерзкий и масштабный акт художественного осмысления природы и сущности государственной власти в нынешнюю эпоху, исполненную неразрешимых противоречий и трагических столкновений.

Особого внимания заслуживает художественный язык прозы Александра Проханова. Живой и динамичный, образный и изысканный, он напоминает и о традициях русской классики, и о завоораживающих экспериментах русского модернизма начала XX века, и о высших достижениях русской советской литературы.

Роман "Леонид", несомненно, станет бестселлером, поскольку ничего подобного в современной литературе ещё не было — по глубине содержания, по литературным достоинствам, а главное — по истинной, а не надуманной, актуальности. В нём содержатся ответы на многие роковые вопросы о сущности государственной власти в России.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ Кончаловский не раз говорил о том, как дорог ему русский человек. Как он долго и страстно бьётся над загадкой его тайны, его смыслов, сложности и глубины его жизни. Его новая кинолента "Человек неунывающий" — ещё одна попытка понять менталитет русского человека, ответить устами простых людей на вечные вопросы, в том числе и на безответные вопросы нашей интеллигенции.

"Здесь я варвар, ибо никто не понимает меня", — писал Овидий в "Скорбных эпиграмах" о своей жизни в изгнании. Он бесконечно жаловался и унывал, живя на окраине Римской империи среди чужих ему людей, даже не знавших латинского языка.

Наша просвещённая и европеизированная интеллигенция подчас страдает так же сильно, как и Овидий, не понимая и не принимая народ и его жизнь. "Какие неакуратные, негостеприимные, грубые, равнодушные люди! Ну как так можно?!" — возмущаются они. — Невозможно отдыхать (жить) в России. Только Европа может угодить нашим вкусам и предпочтениям. Ах, изысканная, тонкая, красивая, чистая Европа, как мы скучаем по тебе!..."

Вечное недовольство всем, а в особенности — "не таким российским народом" у нашей интеллигенции подобно унынию древнеримского чужеземца-пиота, — темно и беспросветно. Настолько, что никакого выхода к свету истины не предвидится. Общая болезнь, как кажется, захлестнула большинство интеллектуалов и художников в России, поргавших в тяжёлой русофобии или в примитивном восторге от лубочных, уже несуществующих и, возможно, никогда не существовавших подробностей быта и народного творчества. Увы, они ничего не знают и знают не хотят о тех, кто составляет их родную страну, питает её. Грубо говоря, познания русской культуры упираются в культурологическое восхищение "Троицей" Рублёва и творениями Монферрана, оплакиванием (с политическим подтекстом) "похрунутой" Моголи, сожжённого и сгнившего деревянного зодчества на севере. На этом интересы кончатся, даже не прикоснувшись к русской истории, к Русской Церкви, народным святым, блаженным, провидцам, русским философам и самоучкам-изобретателям, сказителям и итгушечникам с того же Севера, да хотя бы к дому и семье русского человека. Ни к чему подлинно и вечно русскому, ни к чему современному, сакральному, ни к чему настоящему. Без любви к народу живёт наша интеллигенция. Из оттого не принимает и не понимает наш народ.

Очень зыбкая, сомнительная попытка разгадать тайну характера и философии простого русского

«КРАЙ ТЫ РУССКОГО НАРОДА...»

О фильме «Человек неунывающий»

человека — редко когда была удачной и в искусстве. Из классиков Золотого века и советской эпохи — успешных попыток немного. Очевидно, так происходит и будет происходить потому, что образ народа может передать только сам народ в великой простоте своей и первозданности. Любое прикосновение пера или кисти с целью преобразить, приукрасить, трансформировать, а иногда и убивает этот образ. Вот отчего Лескову, Пушкину, Чехову, Шолохову, Шукшину, советскому великому кинематографу удавались персонажи из простого народа: они сами говорили о себе и за себя, без какого-либо вмешательства автора, без того самого пресловутого "прикосновения пера".

Любое обобщение, любая концентрация феноменологии и ментальных особенностей нации есть ложь. Типология русского человека, вплетённая в нечто академически объёмное и дополненное фантазиями с художественным красноречием и даже эпатажем, становится вычурной апологетикой квасного патриотизма или обыкновенным навозом, чмокающим под ногами как в плохую убранный конюшня. Удивительный, светлый, во многом противоречивый нрав русского человека передать возможно только любовью и ценя его.

Ни бездушная камера, ни холст, ни бумага не способны скрыть или подделать истинные чувства художника. "Человек неунывающий" Андрея Кончаловского снят с огромной, нежной, бережной любовью. За что особая, большая благодарность мастеру. Режиссёр и создатели фильма, в лучших традициях документалистов, мудро и прозорливо оставили зрителя наедине с настоящей, подлинной жизнью России, с родными, драгоценными лицами. Кормилица мама, поджикишка-педистр; неунывающий собиратель металлолома, строитель дома; учитель-странник; мудрый фермер; программист, увёзший семью из Москвы в деревню; сельчанка, открывшая собственную телестудию; священник и его семья...

Во время просмотра фильма из головы не выходит меткая фраза, когда-то сказанная одним сибир-

ским управленцем, только что заступившим на свою должность: "Полный швах тут у нас, конечно! Но люди — золото!"

Они все, каждый — узнаваемы и невероятно близки до боли в сердце, до щемящей грусти и одновременно радости от узнавания. Для нас, столичных жителей, безвылазно живущих в круговерти дел и забот, это похоже на свидание с давно ушедшими близкими, на сон, где за одним столом все вместе сидят твои предки. Ты слышишь знакомые голоса, видишь столь дорогие для тебя лица, жесты, мимику... В Пскове, в Варнавино, в Балтийске, в Иркутске живут они и под камерой Кончаловского рассказывают о себе и за себя, отвечая на вопросы о России, о любви, о мечте, о своём предназначении, о смысле жизни. Они сами и жизнь их в своей документальной подлинности и есть олицетворение русской правды и русской реальности.

После выхода фильма в прокат так хочется уберечь всех героев от любопытных глаз "тешущих", от надоедливых доброхотов и благотворителей, вездесущих журналистов, заклишированных и бестактных! И так хочется думать, надеяться, что все ещё живы, что у всех всё есть и будет хорошо...

В своё время, уже лет десять назад, митрополитом Тихоном (Шевкуновым), в ту пору ещё архимандритом и настоятелем московского Сретенского монастыря, была издана книга "Несвятые святые", ставшая бестселлером. Церковный, вернее, религиозный контекст рассказов этого сборника вполне оправдывал название. Однако за прошедшее время придуманная владыкой Тихоном фигура речи "несвятые святые" выплеснулась за пределы Церкви, став более широким и абстрактным определением тех, кого нельзя канонизировать по церковным правилам, но кто даже вне стен Церкви достоин и благочестиво проживает свою жизнь. Парадоксально, но глядя на героев фильма, кажется, что они святые, пусть и "несвятые"...

"Человек неунывающий" Андрея Кончаловского наглядно подтверждает, что мы — великий народ с великой историей и великой культурой! В этом нет со-

мнений! Но что случилось с нами? Кем мы стали? Как это всё исправить?

В фильме нет Москвы и москвичей. Сытое измощдение и вынужденное застойное бессилие в денежных и комфортных границах больших и богатых городов России заставляет сомневаться в их принадлежности к народу.

В фильме нет Церкви. Даже священник, герой одного из эпизодов, — лишь молится и печётся о своей семье и пастве без нравочувствительного миссионерства и светульного поучения, проживая такую же простую жизнь, что и его односельчане.

Почему же нет Церкви у народа, и народа в Церкви? Вероятно, потому что нет в ней сегодня утешителей. Церковь земная, замкнувшись в себе и, возможно, чрезмерно оберегая свою благодать и чистоту, при этом, как ни странно, оказалась слишком близка к миру, а не Христу, утонув в войне принципов и идеологий, политических и богословских противостояний, борьбе священноначалия с тёмным, необразованным мужиком (тёмной необразованной пастой?).

То, что творится в современном российском обществе, нельзя назвать миром и благоденствием, идёт война смыслов, причём, что самое печальное, смыслов устаревших, неактуальных. Как в этом прямом ожесточённом противостоянии, когда даже православные митрополиты говорят, что ни за что не простят русскую историю начала XX века и её людей, может родиться новая идеология, новый смысл жизни нашего государства, а значит и нашего человека? Младенец зачинается в тишине, смирении и одиночестве, а не посреди кровавой бойни.

Нам катастрофически не хватает цели и смысла. Об этом и говорит Кончаловский через растерянное и горькое молчание своих героев, через признание фермера, который "лет 5–6 назад" пытался найти смысл жизни. Об этом рассказывает аллегоричный колокол, который слышен только с одной стороны деревни. Об этом говорит тонкий, трогательный образ девочки и её брата, детей священника: "Я всегда счастливая из-за этих цветов... Мамы не хватает нам..." — и камера всего на пару секунд

останавливается, замечая мальчика, закрывшего глаза рукой...

Великая тайна искусства, когда образы, рождаясь, тут же становятся свободными и независимыми от воли художника и сами начинают плести свою судьбу, наполняя и усложняя её тайными смыслами и столь неуловимой истиной...

Можно быть уверенным, что обязательно найдутся придирчивые зрители, которые спросят: "А где был Кончаловский в страшные 90-е годы? Почему он тогда не снимал такие фильмы? Что это? Политическая диверсия, конъюнктурный ход против Путина?" Конечно, их негодование можно было бы считать справедливым, однако всё не так однозначно. У любого проекта должен быть реальный адресат. Ни один адекватный режиссёр не будет снимать фильм без потенциального зрителя. А теперь, дорогие вопрошатели, попытайтесь дать ответ на встречный вопрос: что стал бы смотреть этот фильм в 90-е годы? Олигархи, Ельцин, Гайдар? Или, быть может, либеральная коллективная "совесть нации"? Опальные патриоты-мыслители, которые всё знали и понимали, сидя с кляпом во рту? Больной, измороженный в конце народ? Люди в 90-е годы не давали себе ответа в том, что происходит с ними и с их миром. Бoleвая синдром был настолько сильным, что ни о каком адекватном восприятии не могло идти и речи.

В те годы народ наш выжил чудом. Выкарабкался, выполз. Снова победил! Благодаря тому, наверное, что не поддался самому страшному и разрушительному греху — унынию. Смысл жизни был, ещё какой! — не умереть и встать на ноги.

Сегодня другие времена. Фильм Андрея Сергеевича Кончаловского — о русских и для русских. О нашей с вами силе духа, о нашей тоске по смыслу, о нашем великом аскетизме. Его теперь многие способны увидеть и понять. Поплакать, помяться и начать исцеляться от страшной и заразной "овидевой болезни" русской интеллигенции — вечно закрытых глаз, ушей и сердца страдальца-чужака.

...Прошлое искупается настоящим. О да! Но ещё — настоящее создаёт будущее. Стоит ли жить в непреходящем искуплении прошлого без мысли о будущем? Может, уже пора смириться со своей историей, принять и полюбить её всю, перестав бороться за отдельные страницы и персонажи? Тогда-то и мы, столичные жители, образованные и такие "сложные" сможем сказать и своё веское слово в помощь "простому" народу, народу, из которого когда-то вышли.

Наталья СТЯЖКИНА